

⁵ См., напр.: Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 32; Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. С. 179; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 139; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 156; Спасенников Б.А. Конспект курса лекций по учебной дисциплине «Уголовное право. Общая часть». С. 57.

⁶ Это требование некоторыми учеными ставится под сомнение (см., напр.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 66).

⁷ См.: Пункт 19 Постановления № 31 Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» // Сборник действующих постановлений пленумов высших судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1999. С. 290.

⁸ Странники такого понимания групповых преступлений исходят из того, что повышенная опасность последних «может лежать не только в плоскости соучастия в преступлении, но и в плоскости объективных признаков исполнения посягательства, способа посягательства» (Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 37–38).

⁹ См., напр.: Кругликов Л.Л. Группа лиц как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989; Он же. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999). Ярославль, 1999; Он же. Совершение преступления группой лиц как квалифицирующее обстоятельство // Право и современность. Караганда, 2001; Он же. Трактровка группы лиц в новейших диссертационных исследованиях // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 142. Казань, 2002; Он же. Группа лиц: связь с соучастием и исполнением преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2004.

¹⁰ Законодатель в УК 1996 г. с полным основанием заменил соединительный союз «и» разделительным «или», поскольку насилие может не обязательно представлять опасность одновременно и для жизни, и для здоровья. Достаточно создания опасности насилием для одного из двух упомянутых объектов. Проведенный нами анализ бюллетеней Верховного Суда Российской Федерации, вышедших в 1997 г. и позднее, и приговоров судов Ярославской области за тот же период показал, что судебные органы по-прежнему оперируют старой терминологией (см. об этом: Кругликов Л.Л. О языке правоприменительных актов уголовно-правового содержания // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2007).

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 6.

¹² См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. М.Н. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. С. 438; Сухарев Е.А. Оптимальное отражение способа совершения преступления в конкретных составах // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск, 1974. С. 60.

¹³ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 177.

¹⁴ «Способ совершения преступления – это та внешняя форма, в которой выражается преступное деяние» (Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 1997. С. 99).

¹⁵ См.: Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 44; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С. 139.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Свицерский В.И. Об отражении материалистической диалектикой соотношения элементов и структуры в явлениях // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1960. № 2. С. 70.

¹⁹ «Такая пропаганда может вестись в устной или письменной форме (речь, беседы, листовки, статьи) путем распространения плакатов, рисунков или каким-либо иным путем» (Комментарий УК РСФСР / Под ред. Б.С. Никифорова. М., 1964. С. 169).

²⁰ «Способ, – отмечает Р.Р. Галиакбаров, – признак преступлений, совершаемых путем активных действий» (Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 124). Иную, более правильную, по нашему мнению, позицию занимает А.П. Козлов, допускающий способ и в виде бездействия (см.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 215).

²¹ Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 281.

²² Союзы «для», «ради» в языке многих стран отражают одновременно целевые и причинные отношения, то есть когда «одно обуславливает появление другого». Так, в латинском языке причинное и целевое значение имеет слово «проптер» (для, ради). В немецком языке то же содержание несет предлог «wegen» («по причине, из-за чего») (см. об этом: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 258–259).

²³ Сборник действующих постановлений пленумов высших судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. М., 1999. С. 257.

Дискуссионные вопросы понимания законодательной техники (в сфере уголовного правотворчества)

А.В. ИВАНЧИН – доцент кафедры уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

Понятие и различные аспекты законодательной техники интенсивно исследовались как теоретиками права, так и учеными-отраслевиками. На стыке тысячелетий был опубликован ряд крупных трудов по рассматриваемой теме¹. Вместе с тем анализ данных работ показывает, что и по сей день нет единства во взглядах на законодательную технику, в том числе в сфере уголовного правотворчества.

Прежде всего обращает на себя внимание дуализм трактовки: широкое и узкое понимание техники. Странники широкого подхода пытаются объять анализируемым понятием наряду с техническими операциями по созданию нормативных предписаний иные правотворческие компоненты, чаще всего

– организационно-процедурные правила законоподготовительной деятельности (составление и редактирование законопроектов, согласование их заинтересованными ведомствами, получение необходимых виз и заключений, предварительное обсуждение проектов, в том числе и всенародный референдум)². В содержание законодательной техники включают в этом случае также нормы, закрепляющие основную правотворческую процедуру (законодательную инициативу, порядок внесения и рассмотрения проектов и др.)³, правила и приемы опубликования законов⁴, организационно-методические правила перевода актов с одного языка на другой⁵, требования того, чтобы нормативные акты содержали указание на дату

и место их принятия, а также подпись должностного лица⁶.

Надлежащая организация работы по подготовке проектов нормативных актов, процедура их принятия и подписания играют, безусловно, важную роль в правотворчестве, но непосредственного отношения к выработке нормативных предписаний не имеют. Процедурно-организационные правила лишь регулируют специфические социальные связи, которые возникают при решении собственно технических вопросов – определении стиля, языка, логики и структуры нормативных актов⁷. Л.Л. Кругликов верно подметил, что при столь широкой трактовке законодательная техника «смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов»⁸. Е.В. Ильюк нашла даже, что законодательная техника, рассматриваемая в широком смысле слова, тождественна теории правотворчества⁹. Вряд ли можно вести речь о тождестве (поскольку теория правотворчества не исчерпывается процедурными и техническими вопросами), но тенденция включения в содержание данной техники практически всех правотворческих компонентов, характерная для широкого подхода, обозначена, на наш взгляд, верно.

При узком подходе под законодательной техникой подразумевают совокупность средств, приемов, методов, операций и т.п. компонентов, задействуемых в процессе выработки нормативных актов с целью обеспечения их совершенства. Техника связывается здесь со стадией «собственно технического построения норм с присущими ей техническими средствами и приемами»¹⁰. Предвестником такого понимания явилось учение Иеремии Бентама, который исследовал проблемы внешнего оформления права. У Бентама нашлись многочисленные последователи, отождествившие законодательную технику с его «номографией», то есть с вопросами языкового оформления правовых норм и структуризацией нормативных актов¹¹.

Некоторые ученые решили не ограничивать законодательную технику рамками внешнего оформления права и добавили к названным также вопросы выработки структуры права (например, А.А. Ушаков¹², Д.А. Ковачев¹³, С.С. Алексеев¹⁴). Эта позиция представляется правильной, но и она, на наш взгляд, нуждается в развитии. Сторонники узкого понимания законодательной техники отмечают, что она не относится к содержанию права. Еще Р. Иеринг подчеркивал, что вопрос о материальной пригодности права не принадлежит к технике права¹⁵. А.В. Наумов полагает даже, что исключение содержательно-правового аспекта вообще является главным в подходе к определению законодательной техники¹⁶. Нам эти высказывания представляются верными в том смысле, что законодательная техника не участвует в выработке существа правовой нормы. А что касается содержания права, то к нему упомянутая техника, как полагаем, имеет самое прямое отношение.

Аргументируем свою позицию. В создании права обычно выделяют две стороны: содержательную и формальную. Под последней понимают оформление содержания, и именно эта сторона отражается в понятии законодательной техники. Не менее часто, однако, функцию законодательной техники усматривают в оформлении законодательной воли (воли государства). Когда речь заходит о языке закона, также подчеркивается, что он должен адекватно передать содержание правовых норм или, что как будто

одно и то же, адекватно отразить волю законодателя. Зададимся, однако, вопросом: тождественны ли понятия воли законодателя и правового содержания? В ответе на него и заключена, как нам кажется, загадка сущности законодательной техники. Воля законодателя и содержание права – разные явления. Законодательная воля определяет существо правового решения, представляет собой замысел творца права, который он хочет воплотить в содержании права. И воплощение этого замысла также не лишено технического субстрата, как и процесс внешнего оформления права. Законодательная воля должна быть, в частности, непротиворечиво выражена не только в форме права, но и в его содержании (скажем, в УК должны быть внутренне согласованы санкции). Социальная (в том числе, криминологическая) обоснованность санкций – вопрос существа дела, не относящийся к законодательной технике. А вот их системное построение и согласование между собой – это «дело техники» (используются приемы наложения санкций основного и квалифицированного составов и т.п.). Иными словами, при более внимательном рассмотрении механизма правообразования в нем просматриваются операции по формированию законодательной воли и операции по переводу ее в правовое содержание.

В итоге правовое содержание выступает формой законодательной воли, а она в свою очередь – его содержанием. Мысль о том, что одно и то же явление способно выступать одновременно и содержанием, и формой по отношению к другим явлениям, составляет общее место философского знания¹⁷. Получается следующая логическая цепочка: сначала происходит выработка решения по существу (формируется законодательная воля); затем это решение воплощается в праве (так как право имеет содержание и форму¹⁸, то данное решение выражается с помощью техники не только в форме, но и в содержании). Таким образом, при традиционном подходе к законодательной технике упускаются из виду технические операции по переводу законодательной воли в правовое содержание¹⁹.

Сущностные же аспекты правотворчества, к которым законодательная техника, действительно, не имеет никакого отношения, присущи процессу формирования законодательной воли. В связи с этим мы полностью солидарны с Ф. Жени, который противопоставлял законодательную технику «основным, субстанциальным элементам юриспруденции – элементам моральной и социологической природы»²⁰. К сущностным аспектам правотворчества относятся, к примеру, решения о криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации. Эффективность применения правовой нормы, конечно же, зависит от законодательной техники, от того, насколько искусно выработаны содержание и форма данной нормы. Однако главным образом ее эффективность определяется сутью, то есть сущностью, тем, насколько соответствует реалиям законодательная воля. Уголовно-правовые предписания, не обусловленные социально, являются «мертворожденными» (прав был Герберт Спенсер, рекомендуя законодателю «прежде чем вмешиваться в социальные процессы, тщательно их изучить»²¹). Следовательно, вполне мыслимо создание совершенного с точки зрения законодательной техники права, не работающего на практике. Так, многие предписания УК РФ 1996 г. можно до бесконечности «шлифовать», повышая уровень технического совершенства их со-

держания и формы, однако от этого эффективно работать они не начнут. В равной мере мыслимо создание технически совершенного законодательства, не соответствующего понятиям о добре и справедливости, к примеру дозволяющего убийства и грабежи, работорговлю. К таким, сущностным, аспектам законодательная техника безразлична.

Но содержание лишь мысленно можно отделить от формы. В реальности они не существуют друг без друга. «Форма содержательна, содержание оформлено», – гласит известный философский постулат. «В конкретных предметах, – конкретизирует его Ж.Т. Туленов, – содержание и форма существуют в непрерывном единстве»²². Это в полной мере относится и к праву. «Создание права, – правильно писал А.А. Ушаков, – происходит одновременно, в единстве содержания и формы»²³. Форма имеет большое значение (как сказали бы философы, она активна). Вообще для любого творца, по справедливому замечанию Гегеля, «служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы»²⁴.

Форма уголовного права подразделяется на внутреннюю и внешнюю. При создании внутренней формы выделяются отрасли, подотрасли, институты и, наконец, «кирпичики» – нормы и нестандартные уголовно-правовые предписания. Таким образом, создается скелет уголовного права, его структура. Внешняя форма уголовного права прежде всего представлена в его языковой оболочке и структуре уголовного закона (если право выражено в такого рода источнике). Отсюда в правообразовании явно просматривается процесс внешнего оформления права, в ходе которого также используются специфические средства и приемы (термины, примечания, перечневый и ссылочный приемы и т.д.).

Таким образом, понятие законодательной техники в уголовном правотворчестве²⁵ объемлет, на наш взгляд, выработку как внешней формы, так и структуры и содержания уголовного права за исключением его сущности. Еще раз подчеркнем, что сущность права определяется законодательной волей (политикой, экономикой, национальными и географическими особенностями страны и др. обстоятельствами), а потому, хотя и входит в содержание права, к законодательной технике отношения не имеет²⁶.

Изложенное выявляет небесспорность определения законодательной техники, предложенного Н.Ф. Кузнецовой. По ее мнению, указанная техника в уголовном праве означает «систему инкорпорации, кодификации и конструирования уголовно-правовых институтов и норм, обеспечивающую эффективность УК»²⁷. Эта дефиниция является слишком широкой, поскольку, например, кодифицированное уголовное правотворчество состоит в выработке и сущности, и содержания, и формы уголовного права. Законодательная же техника охватывает не все эти процессы. Кроме того, приведенная дефиниция представляется нелогичной, поскольку понятие конструирования институтов и норм с очевидностью пересекается с понятием кодификации. Наконец, эффективность уголовного закона зависит не только и не столько от законодательной техники, сколько от сущности уголовного права (определяемой во многом криминологией). Указанной технике отводится, так сказать, служебная роль – последовательное и точное выражение воли правотворца в уголовном законе.

Трудно согласиться и с подходом К.К. Панько. По его мнению, «законодательная техника – это обусловленная закономерностью развития правовой системы совокупность определенных средств, приемов, правил, используемых в законотворческой деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов»²⁸. На наш взгляд, и в данном определении дается крайне широкая трактовка, поскольку на качество результатов законотворчества оказывает влияние не только законодательная техника, но и сущность правового решения. Более того, как уже отмечалось, качество правовой нормы обусловлено прежде всего не техникой, а соответствием жизненным реалиям (политическим, социальным, экономическим и пр.).

Итак, по нашему мнению, понятие законодательной техники объемлет инструментарий для создания как внешней формы, так и структуры и содержания права, за исключением его сущности. Для обозначения компонентов внешнего оформления права считаем целесообразным оперировать термином «внешняя законодательная техника»²⁹. Компоненты же механизма образования содержания и структуры права обозначим соответствующим термином «внутренняя законодательная техника».

Первичными компонентами законодательной техники являются, по нашему мнению, средства (например, конструкции преступления, освобождения от уголовной ответственности, термины), приемы (приемления, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы изложения уголовно-правовых предписаний и т.д.) и правила (о недопущении экспрессивности, языковой стандартизованности, композиционности, унифицированности стиля и др.). Правила носят зависимый от средств и приемов характер, они как бы привязаны к ним, поэтому вряд ли правильно ставить данные компоненты в один ряд. Думаем в связи с этим, что технические средства и приемы следует считать основными первичными компонентами в содержании законодательной техники, а правила – производными.

Средства, приемы и правила мы неслучайно называем первичными компонентами. Отдельные из них, будучи связанными между собой, могут образовывать и более крупные единицы в содержании законодательной техники. В данном смысле можно говорить, например, о методиках построения санкции и языкового выражения нормативных предписаний, методике структуризации законодательного текста. Здесь возможна аналогия с содержанием права, элементарными единицами, «кирпичиками» («клетками») которого являются нормативные предписания – стандартные (правовые нормы) и нестандартные (например, правовые предписания о принципах и целях)³⁰. Однако в содержании права можно вычленилть и более весомые компоненты – «нормативно-правовые общности» (правовые институты, субинституты и другие блоки однородных предписаний). Роль «клеточек» в содержании законодательной техники как раз и играют ее средства, приемы и правила, а роль «общностей» – методики.

К внутренней технике относится, к примеру, методика системного построения уголовного права (ее цель – выработка структуры данной отрасли права). Она включает на правах приемов построение по типу уголовно-правовой нормы и группировку создаваемых норм, регулирующих однородные общественные отношения, в институты³¹. Во внутренней технике

можно выделить также методику построения состава преступления и методику построения санкции за совершение данного преступления. Разумеется, это не исчерпывающий перечень компонентов внутренней техники. Внешняя же техника включает, на наш взгляд, три методики: 1) языкового оформления уголовно-правовых предписаний, 2) структуризации уголовного закона и 3) размещения уголовно-правового материала.

Указанные компоненты законодательной техники в уголовном правотворчестве тесно взаимодействуют, образуя единый механизм оформления воли правотворца. При этом их совокупность обладает, по нашему мнению, всеми признаками системного образования. Данная система включает две подсистемы: внутреннюю и внешнюю законодательную технику, которые в свою очередь состоят из первичных компонентов (средств, приемов и правил) и вторичных компонентов (методик).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Керимов Д.А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пос. М., 1998; Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000; Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000; Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст.: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.

² См., напр.: Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. Л., 1965. С. 4; Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 44–47; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1962. С. 185.

³ Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. С. 5.

⁴ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1996. Ч. 2. Теория права. Т. 2. С. 45; Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. С. 23.

⁵ См.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1966. С. 9; Бойко Л.М. Законодательная техника (теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 7.

⁶ См.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. Теория права. С. 367–368 (автор главы – А.Ф. Черданцев).

⁷ Одним из первых выступил с критикой включения в понятие законодательной техники организационно-процедурных правил В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 246–250).

⁸ Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С. 4.

⁹ См.: Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6.

¹⁰ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 138. В этом же ключе рассматривали законодательную технику П.И. Люблинский (см.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 2) и А.М. Винавер (см.: Винавер А. Законодательная техника // Право и жизнь. 1926. Кн. 2–3. С. 5).

¹¹ См., напр.: Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 11; Нашиц А. Правотворчество. С. 144.

¹² См.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Т. XIX. Вып. 5 (юридические науки). Пермь, 1961. С. 82–83.

¹³ См.: Ковачев Д.А. О понятии законодательной техники // Ученые записки ВНИИ СЗ. М., 1969. Вып. 18. С. 31–35.

¹⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. II. С. 273.

¹⁵ См. Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 22.

¹⁶ См.: Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 19.

¹⁷ Проиллюстрируем мысль следующим высказыванием: «Производственные отношения являются содержанием по отношению к надстройке и формой по отношению к производительным силам общества» (Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учеб. М., 2000. С. 472).

¹⁸ Концепция различия содержания права (правовых норм и т.п. компонентов) и его формы (законодательства, положительного права) является одним из «китов» отечественной юриспруденции (см. об этом: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976; Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 276–279).

¹⁹ Кстати, С.С. Алексеев в 1982 г., акцентируя основное внимание на прямой привязанности техники к внешней форме и структуре права, вскользь упомянул о том, что она относится и к содержанию права (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 273). Это было большим шагом вперед, если учесть, что еще в 1973 г. выдающийся ученый связывал понятие законодательной техники лишь с формой права (см.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. С. 139).

²⁰ Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал министерства юстиции. 1906. № 8. С. 125.

²¹ Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 134.

²² Туленов Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики. М., 1986. С. 30.

²³ Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Ученые записки Перм. гос. ун-та (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 136.

²⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1986. Т. I. С. 225. Добавим, что еще древние греки провозгласили основой классического искусства гармонией содержания и формы.

²⁵ Иной термин, напрашивающийся сам собой, – «законодательная техника в уголовном праве» – представляется неточным. Уголовное право – это «продукт» правотворчества, а потому техника, участвующая при его создании, в само право входить не может. Думается, данное обстоятельство и побудило И.А. Семенова отказаться от такого термина, употребленного им в одной из своих статей (см.: Семенов И.А. О понятии законодательной техники и советском уголовном праве // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушителями. Свердловск, 1982). В дальнейшем он оперировал выражениями «законодательная техника уголовного права» и «законодательная техника в уголовном правотворчестве».

²⁶ Кстати, вполне возможно противопоставление законодательной технике как искусству оформления законодательной воли техники формирования этой воли (то есть техники выработки сущности правового решения). Последняя, думается, должна включать правила и критерии криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, приемы прогнозирования, правила проведения научного эксперимента и т.п. вопросы.

²⁷ Кузнецова Н.Ф. О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. 2004. № 4. С. 52.

²⁸ Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 97.

²⁹ Следует заметить, что рядом ученых (в частности, Ф. Жени и А.А. Ушаковым) термин «внешняя законодательная техника» употреблялся для обозначения организационно-процедурной стороны правотворчества (см.: Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях. С. 131–132; Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Т. XIX. Вып. 5 (юрид. науки). Пермь, 1961. С. 3). Однако, как мы отметили ранее, эти вопросы, на наш взгляд, не входят в круг законодательно-технических.

³⁰ Мнение о том, что содержание права не исчерпывается нормами права, а включает также нестандартные (нетипичные) предписания, одним из первых высказал В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Норма права и иные нормативные обобщения в структуре советского права // Проблемы эффективности правового регулирования. Куйбышев, 1977. С. 4; Он же. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 115). Данный взгляд весьма убедителен, поскольку нормой права принято именовать правило поведения, обладающее к тому же определенной структурой. Однако некоторые правовые предписания лишены таких свойств (например, содержащиеся в ст. 2 УК РФ положения о его задачах), так как они не носят предостаточно-обязывающего характера и не имеют присущей норме права структуры.

³¹ С.С. Алексеев системным построением именовал тот элемент, который мы именуем построением по типу правовой нормы (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 274). Однако система правовой отрасли помимо норм включает и институты (по самым скромным представлениям). Поэтому более верно, на наш взгляд, термином «системное построение» обозначать процесс образования всей системы правовой отрасли.